

Glamour & Co!

г л а м у р н е н ь к о

ЮЛИЯ
широкова

записки
русской
гейши

18+

Юлия Широкова
Записки русской гейши

«ЛитРес: Самиздат»

2006

Широкова Ю.

Записки русской гейши / Ю. Широкова — «ЛитРес: Самиздат»,
2006

Ежегодно сотни молодых и красивых русских женщин отправляются на заработки в Страну восходящего солнца – Японию. Одни вышагивают по подиуму, демонстрируя дизайнерскую одежду, но большинство оказывается в дешёвых ночных клубах, куда приходят скучающие мужчины... Шокирующая, дразнящая и правдивая история одной из них положена в основу этой книги.

Часть первая. Берлин.

1

Уже четыре часа утра, а я так и не смогла заснуть. Как же неприятно испытывать раздражение по отношению к самой себе! Ведь на себя не наорёшь и не пошлешь себя к чёрту... Или попробовать?

Через три часа проснётся старая сволочь, ещё через три начнёт стучать в дверь моей спальни, итого, у меня шесть часов на сон, а мне нужно девять, чтобы чувствовать себя нормально. Если не высплюсь, то буду воспринимать всё слишком обострённо, в голову ползут всякие мысли противные, а я их не хочу – не хочу их думать...

Я нахожусь на втором этаже двух этажного особняка, построенного полтора года назад. Потолки высокие, но комната, в которой я сплю, маленькая и узкая – мне здесь не нравится. Снаружи дом выглядит не плохо – красивенький, но внутри – так себе, мебель старая... Не антикварная, а просто старая. Обои, пожелтевшие... Мне хочется всё здесь переделать и поменять. Я уже начала покупать каталоги и книжки по декору – старая сволочь понимает к чему идёт и нервничает, жалко ему деньги потратить на ремонт и новую мебель! Ведь он собирается дожить до ста двадцати лет – это ещё полвека значит. Десять миллионов евро на пятьдесят лет его жизни – это не так уж и много...

Его можно понять – можно, но не хочется, потому что пятьдесят лет его жизни – это самое худшее, что со мной могло бы произойти. Два – три года так уж и быть – я потерплю, но пятьдесят – нет уж! Лучше убейте меня сразу! Впрочем, я оптимистка – всегда нужно надеяться на хорошее... А вдруг он заболеет и умрёт? Или попадёт в авткатастрофу? Или сойдёт с ума, и я смогу отделаться от него, поместив в психиатрическую клинику?

В моём сознании всплывает совесть и голосом моей матери говорит: "Нельзя желать людям зла – оно может против тебя обернуться!" Я отмахиваюсь от совести и думаю о том, что должна постараться заснуть.

Старая сволочь – мой муж (хотя, у меня язык не повернётся, его так назвать!) Он спит этажом ниже, и никогда ему не спать в одной кровати со мной! За всё время нашего знакомства я только три раза позволила ему себя поцеловать, а знакомы мы уже десять лет. Правда поженились только три месяца назад, спустя неделю после того, как мне исполнилось тридцать, ох как вспомню, так тошно становится...

Он хотел пышную церемонию – венчание в старинной церкви, родственники и я в белом платье с фатой. Я отказалась от этой идеи наотрез. Купила себе скромное платье сиреневого цвета от "Шанель" и с самого утра начала пить, чтобы приглушить чувство стыда, которое я знала, начнёт меня грызть, как только я появлюсь со своим женихом на людях.

В посольстве, где нас объявили мужем и женой, никто и глазом не моргнул – или на всякое насмотрелись, или по должности не положено проявлять эмоции, вот они, и не проявляли. Из гостей на церемонию и свадебный ужин были приглашены только брат-близнец моего супруга (ещё одна старая сволочь!) и парочка каких-то старых пердунов. Я с самого начала игнорировала их попытки познакомиться со мной поближе и, в конце концов, они оставили меня в покое, позволив тихо и молча напиваться. Сами они напивались шумно и весело. Люди, ужинавшие в тот день в ресторане, посматривали на нашу компанию с недоумением – особенно на меня. Празднование закончилось, когда у меня началась истерика – я закрыла лицо руками и разрыдалась. Тушь, которой я густо накарсила ресницы, оказалась не водостойкой и, попав в глаза, больно зашипала, так что я уже не могла их открыть. Из ресторана меня выводили под руки как слепую, в общем, опозорилась по полной.

Так как гости старой сволочи все прибыли из Токио и остановились в его доме, то в первую брачную ночь мне пришлось лечь спать в одной комнате с ним. Я сказала, что плохо

себя чувствую, не раздеваясь, залезла под одеяло и отвернулась к стене. Старая сволочь сидел на краешке кровати и гладил меня по голове. Когда он, вздохнув, спросил сам себя: "И как только Бог догадался создать женщину с такими золотыми волосами?" меня вырвало. После этого моему супругу надоело играть в романтику, и он отправился спать в гостиную.

Утром друзья старой сволочи посматривали на меня с любопытством в узких глазёнках и с пошлыми улыбочками спрашивали, как я провела ночь. Готовя себе кофе, я сказала старой сволочи, что если они будут продолжать в том же духе, я их убью. Все сразу же заткнулись и вскоре разъехались по своим домам, предоставив нам возможность наслаждаться радостями супружеской жизни в одиночестве – ему в своей комнате, мне в своей.

Уже половина пятого, а сна ни в одном глазу – кажется, я сейчас начну материться...

Кстати, особняк, в котором я пытаюсь заснуть, находится в Берлине. Что может быть естественнее, чем русская в Берлине? Вот японец в Берлине – это противоестественно, а русская – вполне. Старая сволочь (или ещё "кабыздох", как мне иногда нравится его называть, но здесь я его так называть не буду, ибо не хочу показаться слишком циничной), так вот старая сволочь – японец. Когда мы гуляем по Берлину, все принимают его за туриста, а меня за гида. Работники музеев заговаривают со мной по-немецки, но я не понимаю по-немецки и не хочу понимать. Хотя выучить, наверное, всё-таки придётся.

Познакомилась я со старой сволочью в Токио, в ночном клубе, в котором работала хостес – так в Японии называют девушек, раскручивающих, приходящих в клуб мужчин, на дорогие напитки (а если повезёт, то и на многое другое). Клуб находился в районе Кинсичё. Во время последней поездки мне рассказали анекдот: "Кинь на Кинсичё камень – попадешь в блондинку". Не смешно! Потому что, правда.

Там я поняла, что внешность для женщины – это главное, чтобы там не говорили, но!

Когда оказываешься в окружении тридцати пяти других молодых и красивых женщин, твоя внешность уже не главный твой козырь, а всего лишь один из – если, конечно, в тебе есть что-то помимо внешности. Странно, но многие девчонки, ни как не могли понять, почему мужики не спешат расшибиться в лепёшку ради них. Иногда, когда какая-нибудь девица жаловалась на то, что все японцы – козлы, мне хотелось встряхнуть её и закричать: "Оглянись вокруг – ты больше не самая красивая девочка в школе, в этой школе все красивые! Или тебе так не кажется?" Молоденькие девочки так самоуверенны!

Я много раз задумывалась, почему одни увозили из Японии платья, меха, бриллианты и деньги на покупку квартиры, а другие – кукиш. Дело не во внешности – одни были не лучше других. И не в лёгкодоступности (только круглая дура не понимала, что в Японии мужчины предпочитают тратить свои деньги не на ту, которая даёт, а на ту, которая отказывает). Везение? Может быть...

Для меня невезение, всегда было знаком того, что я не там, где должна быть. Во время первых трёх поездок, я была там, где надо, во время последних двух я чувствовала, что удача ждёт меня где-то в другом месте... Поэтому я очутилась в Берлине. Угадала ли? Не знаю...

Уже рассвело...

Проголодавшись, я съедаю бутерброд с тунцом и запиваю его лимонадом – я всегда беру с собой на ночь в комнату воду и немного еды, на случай если у меня будет бессонница, и я захочу, есть или пить. Это чтобы мне не пришлось, спускаться среди ночи в кухню. А то вдруг я встречу там случайно привидение или ещё хуже, старую сволочь? Почему-то по ночам я его боюсь, хотя вряд ли он в свои годы способен кого-нибудь изнасиловать.

Я смиряюсь с тем, что не сплю, успокаиваюсь и, наверное, именно поэтому, наконец-то засыпаю...

Итак, я сплю, и вижу сон. Интересно, приснится мне когда-нибудь что-нибудь новенькое? Все мои сны повторяются снова и снова – детали меняются, но сюжетов всего несколько...

То я приезжаю на поезде, на какой-то вокзал и знаю, что мне нужно пересесть здесь на другой поезд, но не могу найти этот поезд, да и багаж теряю... То я еду на лифте, но лифт всё время останавливается не на том этаже, который мне нужен. Тогда я выхожу из него и иду по лестнице – иногда вверх, иногда вниз, но через какое-то время понимаю, что не помню на какой этаж мне надо попасть. Я начинаю звонить кому-то, кто должен подсказать, куда я иду, но мне не удаётся набрать номер, хотя я пытаюсь дозвониться снова и снова. Ещё часто снятся собаки, которые пытаются ворваться в мою комнату – я закрываю дверь перед их мордами, но замки оказываются сломанными, а дверь почти снятой с петель. Но на этот раз мне снится сон с машинами...

Я стою на проспекте Мира рядом с Садовым кольцом (почему-то всегда на проспекте Мира и рядом с Садовым), а в Москве белая ночь (почему-то всегда белая ночь) и пытаюсь поймать машину, чтобы вернуться домой. Но, машин или нет, или они проезжают мимо, или вдруг вокруг оказывается множество других, голосующих людей, перед которыми останавливаются машины, а передо мной нет... Иногда мне удаётся поймать какую-нибудь развалюху, но она либо ломается по пути, либо завозит меня куда-то не туда, либо водитель оказывается слишком неприятным типом и я не могу с ним ехать.

Однако на этот раз мне снится, что передо мной останавливается красивый автомобиль, и я сама сажусь за руль. Еду по незнакомым улицам, но на душе у меня спокойно, потому что я кажется, точно знаю, куда нужно ехать. Я останавливаю машину возле панельной многоэтажки, захожу в незнакомый подъезд, поднимаюсь по лестнице, звоню в дверь, дверь открывается – я знаю, что пришла домой.

Потом мне снится, что я сплю, а рядом, обняв меня, лежит мужчина – он не спит и он одет, у него чёрные волосы и красивое лицо, он целует меня и уходит...

Я слышу, как стучат в дверь и противный старческий голос произносит:

– Джулия-сан, пора вставать!

Я просыпаюсь раздражённая и с удивлением замечаю, что всё ещё чувствую поцелуй, оставленный на моём виске, мужчиной из сновидения...

Быстро выскакиваю из кровати и спешу открыть дверь, только потому, что не хочу дать возможность старческому голосу, произнести моё имя ещё раз – по утрам меня это бесит! Он, как всегда улыбается, я, как всегда раздосадовано морщусь в ответ на его улыбку, но всё же позволяю поцеловать себя в обе щеки, одновременно забирая из его рук поднос с кофе и булочками. Его мерзкая собачонка успеваеет ворваться в мою спальню – я без всяких церемоний выпроваживаю её пинками назад.

– Сегодня чудесная погода, пойдём гулять? – спрашивает старикашка.

– По магазинам! – отвечаю я в отместку за то, что он посмел заговорить со мной до того, как я выпью кофе. Закрывая дверь, успеваю увидеть выражение его лица – удивлённо-испуганное, злорадно ухмыляюсь – день начался не плохо...

Позавтракав – кофе, апельсиновый сок, свежие круассаны с ветчиной (старая сволочь “жаворонок”, поэтому готовить завтрак стало его обязанностью), я умываюсь, чищу зубы и, завернувшись в большое, махровое полотенце, наношу на лицо питательный крем и лёгкий макияж, сидя в кресле перед окном. Конец августа – на улице солнечно и тепло. Скоро начало осени – когда-то моё любимое время года, но теперь мне кажется, что я буду больше любить лето...

Я беру телефон и набираю номер – единственный, который помню наизусть.

“Привет! Спишь ещё? А я сегодня видела тебя во сне, только ты был старше...”

Оставив сообщение, я одеваюсь – обтягивающая футболочка, джинсы – клёш, босоножки на высоком каблуке, грудь третьего размера, ножки тридцать шестого, светлые волосы по пояс, короче, не плохо для тридцатника, и спускаюсь вниз.

– Ну что старая сволочь, пойдём гулять? – спрашиваю по-русски, но он понимает, прицепляет поводок к ошейнику мерзкой собачонки, и мы выходим на променады по Хагенплатц...

Почти сразу же он начинает болтать о чём-то своём, а я начинаю о чём-то своём думать – так у нас давно повелось. Я научилась кое-как говорить по-японски, а вот понимаю, что мне говорят с трудом, но старая сволочь об этом не догадывается. Главное слушать его с правильным выражением лица – когда он рассказывает что-то, по его мнению, весёлое, я тоже придаю лицу оживлённое выражение, когда он говорит о чём-то серьёзном, тоже кажусь озабоченной, когда слышу в его голосе вопросительные интонации, то делаю вид, что вот только что отвлеклась, о чём-то задумавшись и прошу повторить вопрос.

Я иду по тихой улице, мимо старинных особняков, рядом с болтающим японцем и его собакой, и думаю о красивом двадцатилетнем юноше – мечты о нём, щекочат мне сердце приятным волнением, вот уже пять недель подряд...

Мы встретились случайно в тот день, когда я слонялась по этажам большого магазина, так как я пока только присматривала себе что-нибудь подходящее, старая сволочь и его кредитка были не нужны, поэтому я бродила по супермаркету одна. В шесть часов японец должен был заехать за мной, но застрял в пробке и опаздывал. На улице шёл дождь, и было прохладно, к тому же, как-то не ловко стоять без дела, в то время как вокруг люди, которые идут, куда-то спеша, я зашла в кафе, села за столик и заказала чай с лимоном. За соседним столом, спиной ко мне, сидел парнишка, одетый, как одеваются все молодые люди во всём мире, – он просматривал фотографии. Я зачем-то бросила рассеянный взгляд через его плечо на снимки, которые он держал в руках и будто получила удар под дых, такое впечатление произвело на меня лицо, которое я увидела.

– Ничего себе! – воскликнула я. – Вот это красавец!

Парень оглянулся и с удивлением посмотрел на меня.

– Ой, извините! То есть, энтшульдиген! – сказала я, слегка смутившись.

– Не стоит извиняться, наоборот, спасибо за комплимент! – ответил он по-русски без акцента.

– Ты русский?

– Да.

– Мне очень понравилась твоя фотография... – сказала я, улыбаясь, и почувствовала, что уже не могу перестать улыбаться... – Ведь это ты – там на снимке?

– Да – я, – ответил он, ещё раз показывая фотографию.

Со снимка смотрел удивительно красивый, молодой мужчина, поражающий однако, не столько красотой, сколько гордым и независимым выражением лица, а в реальной жизни, в нескольких сантиметрах от меня сидел очень симпатичный мальчишка и улыбался, слегка смущённо. От этой улыбки у него появились ямочки на щеках, и я подумала, что если буду продолжать глядеть на него, то описаюсь от умиления! Я в жизни не встречала человека, который казался бы мне более привлекательным, чем этот мальчик – мне захотелось вцепиться в него и не отпускать...

Мы обменялись телефонными номерами и договорились встретиться на следующий день возле разрушенной церкви.

На следующий день старая сволочь снова высадил меня возле магазина. Я подождала пока он уедет, и пошла к церкви. Только что прошёл дождик и светило солнышко, я чувствовала одновременно покой, волнение, страх и предчувствие чего-то хорошего...

Кажется, я впервые шла на свидание к мужчине, который был, не только молод, но даже моложе меня. Так получилось, что в клуб, в котором я работала когда-то, не заходили гости

моложе тридцати пяти лет. Мне тысячу раз доводилось, бывать на свиданиях с мужчинами, которые годились мне в отцы, а вот с ровесниками, практически ни разу! При чём не только в Японии, но и в России, молодые мужчины мною почему-то не интересовались, а после того, как мне перевалило за двадцать пять и старые интересоваться, практически перестали... Красота – красотой, ум – умом, индивидуальность – индивидуальностью, а большинство мужчин в женщинах превыше всего ценят молодость. Эту не приятную истину, мне пришлось познать лет пять назад, когда шестидесяти летние дедушки, приходившие в клуб, стали насмехаться надо мной, обзывая “обасан” – бабкой, то есть.

Помню, как два года назад я сидела за столом с каким-то мерзавцем и с восемнадцати летней девушкой, и тут мерзавец говорит:

– Вот если посмотреть на лица и фигуры – вы можете сойти за ровесниц, но если посмотреть на ваши руки, то разница в десять лет сразу станет очевидной! – И хватъ нас обеих за руки, приблизил их друг к другу... И тут пауза – мои руки выглядели моложе, чем руки моей восемнадцати летней коллеги с вздувшимися венами. Мерзавец не нашёлся, что на это сказать.

На мужчин действовало не то, как ты выглядишь, а сами цифры! Конечно, я пыталась врать, убавляя годы, но молоденькие конкурентки откровенно стучали гостям, раскрывая истинный возраст “старушек”. К тому же, когда уже который год подряд приезжаешь работать в один и тот же клуб, все постоянные клиенты тебя уже знают и в основном ненавидят. Одни ненавидят за то, что когда-то не оправдала их надежд, другие за то, что оправдала и теперь, они не могут себе позволить на твоих глазах, начать ухаживать за другой девочкой, а третьи, как раньше не интересовались тобою, так и не интересуются, потому что ты не в их вкусе. Короче, во время последних поездок дела мои шли не лучшим образом – только старая сволочь, оказавшийся самым верным моим поклонником, дарил подарки и приглашал на свидания...

3

– Ты не устала? Может, пойдём в кафе посидим?

Я всегда устаю раньше, чем мой семидесяти летний муж, поэтому соглашаюсь. Погода стоит очень приятная – не жарко, но и не холодно, мы занимаем столик на открытом воздухе. Кроме нас в кафе сидят девушка лет двадцати и женщина лет сорока – они очень похожи, поэтому сразу становится понятно, что это мать и дочь. Девушка смотрит на меня без интереса, на моего спутника с отвращением, на нашу собаку с недоумением. У неё вьющиеся, тёмно-рыжие волосы, красивое, слегка надменное лицо, изящная фигура с тонкой талией и большой грудью (редкое сочетание – у девушек с большой грудью, талия, как правило, отсутствует), плюс ко всему, она умеет сочетать элегантность с сексуальностью – на ней тонкий, чёрный свитер в обтяжку, бежевая мини-юбка в клетку от “Барберри”, рядом стоит круглая сумочка от “Луи Витан”. Я тут же решаю, что в ближайшее время отыщу и куплю себе то же самое.

Старая сволочь заказывает эспрессо, а я капучино и мороженое, когда официантка отходит от нашего столика, японец подмигивает мне и шепчет:

– Они говорят по-русски...

Я прислушиваюсь и, правда.

– Ну, естественно! – отвечаю. – В Берлине все красивые женщины говорят по-русски!

Старая сволочь смеётся, а моё настроение почему-то портится... Я начинаю чувствовать себя потрёпанной и вульгарной – всё из-за этой девицы! Интересно, если бы я сейчас сидела в этом кафе со своим мальчиком, поглядывал бы он на неё?

В моей сумочке звонит телефон – или мама, или Костя, только два человека могут позвонить мне, и каюсь, я надеюсь услышать голос не мамы, а мальчишки, который появился в моей жизни всего несколько недель назад...

– Привет!

- Привет! Ты можешь сейчас говорить?
- Не совсем.
- Я просто хотел, услышать твой голос, и пожелать тебе доброго утра.
- Долго спите, молодой человек!
- Ходил вчера в клуб с друзьями, вернулся под утро...
- Ревность, кипящей лавой растекается по венам от этих слов, но я стараюсь её не выдать.
- Напился? – спрашиваю насмешливо и небрежно.
- Нет, что ты!
- С девочками красивыми познакомился? – в том же духе.
- У меня уже есть одна красивая девочка – хватит.
- Ладно, солнышко, я не могу сейчас говорить, позвоню позднее...
- Хорошо.
- Я целую тебя, пока.

Я снова чувствую себя молодой и красивой. Кстати, для чёрных свитеров ещё слишком жарко! И даже если бы моё солнышко обратил внимание на эту красотку, она на него во второй раз, всё равно не посмотрела бы, потому что чувствуется, что она из тех, кто интересуется только мужчинами, у которых на лбу большими буквами написано слово: "деньги". Возможно, она или её мать уже замужем за каким-нибудь толстосумом – не случайно же они здесь оказались...

- Мама звонила? – интересуется японец, прихлёбывая кофе.
- Конечно. Ей плохой сон вчера приснился, решила мне рассказать.
- И не жалко ей тратить деньги на международные звонки?
- Не все такие жадные, как ты.

Старая сволочь добродушно смеётся – его скупость притча во языцех, постоянная тема наших шуток и наших ссор. Но главная проблема не это, а то, что он нигде не работает – деньги он получил в наследство лет пятнадцать назад, и с тех пор делом его жизни был поиск жены. В меня он по собственному его утверждению влюбился с первого взгляда, потому что я похожа на ангела... За эти десять лет "ангел" не раз обманывала его и кидала, постоянно вымогала у него деньги и подарки, но это не охладило его пыл. До того, как получить наследство, старая сволочь тридцать пять лет проработал в японском посольстве в Германии какой-то мелкой сошкой. Получив наследство, он решил, что может позволить себе уйти на пенсию. Итак, целый день на пролёт, я должна развлекать пенсионера. Правда, две недели назад мне удалось заставить его, купить мне абонемент элитного спортклуба...

Я думаю, почему Костя не спросил, когда мы встретимся? Старая сволочь, будто читает мои мысли, потому что интересуется:

- Пойдёшь сегодня в спортклуб?
- Не знаю... – отвечаю я со скучающим видом.

С обоими мужчинами – и со старым, и с молодым, меня связывают чисто платонические отношения. В первом случае – это условие, с которым я согласилась выйти замуж, а во втором...

Мой красивый мальчик живёт с родителями и работает программистом в маленькой, частной компании – зарабатывает, наверное, немного... Он собирается снять квартиру, когда накопит денег, а пока, мы целуемся до умопомрачения на тихих улочках, или сидим в кафе, держась за руки, и рассказываем, друг другу истории своих жизней.

Он эмигрировал в Германию пять лет назад вместе с родителями – мамой учительницей и папой художником. Очень интеллигентный, надо заметить, мальчик – иногда с лёгкостью употребляет в разговоре слова, которые я в книжках читала, но никогда не произносила. Хотя, в отличие от меня, книгами он не интересуется, проводит время в основном за компьютером – на каких-то чатах и форумах. Я тоже заглянула туда пару раз, но мне показалось скучным,

разговаривать с незнакомыми людьми. Я вообще людьми особо не интересуюсь и, не смотря на способ, которым когда-то зарабатывала на жизнь, общительной меня не назовёшь...

И, тем не менее, в клубе у меня была репутация девушки, способной найти общий язык с каким угодно гостем, (но наибольшей популярностью я почему-то пользовалась у местной мафии – у якудз, то есть.) Секрет нахождения общего языка прост – в начале изо всех сил интересуешься своим собеседником (не настаивая на том, чтобы он ответил на те вопросы, на которые он отвечать не хочет и, делая вид, что не замечаешь, когда он врёт), а после того, как мужик запал на тебя, можно развлекать его какими угодно байками из своей жизни. Но, только при условии, что он действительно запал – тогда ему будет интересно слушать тебя, о чём бы ты ни говорила, а главное, самому будет охота рассказывать о себе.

А вот с женщинами я общаться совсем не умею, потому что не вижу смысла с ними общаться. Во время всех поездок – и во время неудачных, и особенно во время удачных, коллеги по работе меня ненавидели. Я до сих пор не могу этого понять! Ведь я всегда следовала принципу – живи и дай жить другим! Не лезла в их дела, не собирала сплетен, заговаривала с ними, только по крайней необходимости, но на меня всё время кто-нибудь наезжал, обвиняя в эгоизме! По-моему глупо и не справедливо обвинять человека в эгоизме – всё человечество состоит из одних эгоистов!

Возраст, работавших в клубе был от восемнадцати до тридцати шести лет, но в основном конечно девятнадцати – двадцати трёх летние. Все девчонки абсолютно разные – на любой вкус. Отличались не только по цвету волос – фигуры, характеры, манера поведения, стиль одежды у каждой тоже был свой. Наверное, японский промоутр, выбиравший нас, человек в своём роде талантливый, раз смог подобрать такие разнообразные экземпляры прекрасной половины человечества.

И естественно, нам было очень сложно общаться друг с другом. Пафосные москвички с высшим образованием и девчонки – птушницы из задрипанных провинциальных городов. Красавицы-модели – уже бывавшие за границей и матери-одиночки, оставившие детей под присмотром бабушек. Проститутки и девственницы. Одни отказывали себе в сексе по религиозным соображениям, другие признавались, что им проще дать мужику, чем придумывать какие-то отмазки, почему она этого не хочет. Одни не могли разговаривать, не вставляя в каждое предложение два-три матерных слова, другие читали Сартра и Камю. Одни приходили на работу почти без макияжа, в джинсах и мокасинах, другие в вечерних платьях, чулках и туфлях на шпильках.

Столь тесная и продолжительная жизнь в окружении женщин, лишила меня иллюзий по поводу того, что касается культурного и морального превосходства женщин над мужчинами.

В клубе были отдельные туалеты для девушек и для их гостей (что в принципе естественно, но не для Японии – там часто нет разделения туалетов на мужские и женские.) К концу рабочего дня в женский туалет нельзя было войти без тошноты – унитаза обоссан, дерьмо плавает не смытым, в переполненном мусорном ведре обязательно валяется несколько окровавленных прокладок. Выходишь из туалета, смотришь на очаровательных созданий, элегантно сидящих за столиками и улыбающихся своим поклонникам, и не можешь поверить, что это те самые создания, которые всего за несколько часов смогли так загадить туалет, который к началу следующего рабочего дня будет вновь вычищен стафами, наверное, тоже лишившимися многих своих иллюзий, выполняя такую работу...

В квартирах никто не убирал – всем вечно было не до этого: нужно сделать макияж, маникюр, позвонить всем гостям, соврать, что ты соскучилась и хочешь поскорее их снова увидеть (одни раз гость дал мне прослушать около дюжины сообщений, оставленных на его автоответчике разными женщинами, работающими хостес, с абсолютно одинаковым содержанием) и успеть добежать до “Маруи” – самого большого на Кинсичё супермаркета, где ждёт

очередной кавалер (он, конечно, уже знает, что у русских женщин считается хорошим тоном, опаздывать, но всё рано будет злиться).

Конечно, не смотря на различия характеров и воспитания, почти все девчонки обзаводились подругами. В этом была своя выгода и свой риск. Если твой гость не жадный, можно попросить его, чтобы он посадил за столик твою подругу, тогда, если тебя отсаживают к другому гостю, мужик остаётся под присмотром, и других девчонок за стол к нему уже не сажают. Конечно, был риск, что подруга сама воспользуется возможностью и отобьёт у тебя хорошего гостя, поэтому все старались заводить дружбу с не самыми симпатичными коллегами...

Я и старая сволочь допиваем кофе, и не спеша, отправляемся в обратном направлении. Японец и его мерзкая собачонка, похоже, в прекрасном настроении, а вот мне не терпится поскорее добраться до своей комнаты в особняке, чтобы позвонить оттуда своему мальчику и убедиться, что и сегодня он хочет меня видеть.

4

Он говорит, что хочет видеть меня всегда, и так как сегодня суббота, мы можем встретиться уже через час.

Я поправляю макияж – наносю побольше туши на ресницы, побольше блеска на губы и побольше тонирующего средства под глазами, и сообщаю старой сволочи, что поеду в спортклуб прямо сейчас. Как назло, он вызывается отвезти меня туда самолично – ведь в субботу не должно быть пробок на дорогах. Значит, придётся ещё полчаса топтать пешком от клуба до разрушенной церкви (у меня с моим мальчиком стало традицией встречаться именно там.) Я уже предвкушаю, как подойду к нему, улыбаясь, не спеша, положу руки ему на плечи, и почувствую, как он обнимает меня, прижимая к себе, а потом в первый раз (в первый раз за сегодняшний день) поцелую – крепким и долгим поцелуем, почувствую запах его кожи и одеколона, зажмурюсь от удовольствия...

– Почему ты улыбаешься? – спрашивает японец.

Я возвращаюсь с небес на землю и думаю о том, что вот так и прокалываются все неверные жёны и мужья!

– Представила, как буду купаться в бассейне...

– А может, представила какого-нибудь мускулистого тренера? – старая сволочь смотрит на меня с выражением ворчливой подозрительности на физиономии.

Я вздыхаю: "Ну вот, начинается!"

– Не волнуйся – они мускулистые, но по лицу видно, что совсем дураки, а я с дураками не связываюсь – ты не в счёт, – старая сволочь пропускает эту шпильку мимо ушей. – К тому же, я ведь не говорю по-немецки!

– И всё равно подозрительно – зачем тебе каждый день ходить в спортклуб? У тебя отличная фигура!

– А вдруг я начну толстеть? – эта реплика заставляет старую сволочь на минуту придумать, а затем он выдаёт следующее изречение:

– Да, что правда, то правда – вы русские все к старости становитесь толстыми, поэтому ты должна уже сейчас начать работать над своим телом, я хочу, чтобы ты, как можно дольше оставалась красивой.

Я возмущена этим заявлением до глубины души, и уже открываю рот, чтобы выступить в защиту чести своей нации, но во время соображаю, что стереотипы времён холодной войны и железного занавеса, внушённые моему мужу средствами массовой информации, мне на руку... и закрываю рот.

Мы садимся в автомобиль.

– Пристегнись.

– Терпеть этого не могу! В России никто никогда не пристёгивается! Один раз я пристегнулась, когда ехала в такси, потому что мне накануне дурной сон приснился, так водитель надомной смеялся – смеялся!

– Ты теперь не в России, – замечает германско – подданный японец ехидно и даже как-то мстительно. Я решаю, что я ему это припомню...

Какое-то время мы едем молча, слушая по радио красивую лиричную песню. Я представляю, как мой мальчик садится в вагон метро и едет на встречу со мной. Я представляю, что сижу сейчас там, рядом с ним, обняв его... Стоп! Я чувствую опасность – ни к чему мне так сильно увлекаться! Я смотрю на старую сволочь, будто ожидая от него поддержки, но... глаза б мои его не видели! Вот если бы он поскорее умер...

И что тогда?

Почему-то я не уверена, что тогда всё будет замечательно.

Богатая женщина средних лет и молодой красивый парень – на что это похоже? Богатый старик, его молодая жена и её любовник, а это на что похоже? С какой стороны не взгляни, а выглядит это банально и пошло. И старая сволочь, и я этого заслужили, а вот мой мальчик – нет. В нём нет ни пошлости, ни банальности – он чист и необычен, и я не хочу осквернять его, втягивая, в пустую интрижку. Я могу отказаться от него сейчас, пока не поздно и найти кого-нибудь попроще, по заурядней...

А может быть, я идеализирую его? Может быть, я уже влюбилась и потому вижу его с нимбом на голове, как все влюблённые дуры?

Вот так и знала, что если не выплусь, начнут всякие мысли не нужные в голову лезть! И старая сволочь, как назло помалкивает – нет бы, отвлѣк меня, какой-нибудь глупой болтовнёй!

– А может, пообедаем где-нибудь, а потом ты пойдѣшь в спортклуб?

Ну нашѣл, что сказать! Только этого мне не хватало...

– Нет. Нельзя тренироваться с полным желудком, к тому же я ещё не голодна.

– Мне заехать за тобой?

– Охота тебе ездить туда сюда? Я такси возьму.

Он останавливает машину возле входа в клуб и, суетясь, выбегает из неё, чтобы открыть мне дверь. Хотя я сама его приучила к этому, сейчас его услужливость меня раздражает. Прихватив большой пакет со спортивным костюмом, купальником и кроссовками, я выхожу из автомобиля, игнорирую попытку старой сволочи поцеловать меня в щѣку на прощание и захожу в спортклуб. Получаю ключ от шкафчика и поднимаюсь в раздевалку.

В субботу днѣм народу многовато – женщины, некоторые с детьми... Я всё ещё раздражена – мне не хочется видеть этих людей, и ни к чему быть среди них. Я зачем-то открываю свой шкафчик, поправляю макияж, расчесываю волосы, звоню Косте: "Я немного опоздаю..." Уже уходя, обращаю внимание на женщину, которая говорит с ребѣнком по-русски, почему-то чувствую себя одинокой...

Это всё из-за того, что я не выпалась.

Странно, но чаще всего, я чувствовала себя одинокой именно дома – в Москве (хотя, родилась и выросла я в Мурманске, но квартиру себе купила в столице). Возвращаясь из очередной поездки, я оказывалась будто в вакууме – ни подруг, ни любимого, ни повода, чтобы идти работать (деньги то есть!), учиться я тоже ни к чему не хотела... Я никогда не беспокоилась о своём будущем, хотя и понимала, что не смогу ездить в Японию всю жизнь – максимум до тридцати шести лет, если хорошо сохранюсь. Моѣ легкомыслие многих удивляло – все девчонки уже имели или старались получить какую-нибудь профессию, а я нет. Думаю дело не в легкомыслии, просто я чувствовала, что мне это ни к чему. Это не моя судьба – вставать ни свет, ни заря, давиться в общественном транспорте, целый день торчать на какой-нибудь скучной, рутинной работе... Нет, я чувствовала, что рождена порхать по жизни бабочкой – красивой и беззаботной!

Но для этого мне нужен был мужчина. Вот только откуда его взять женщине, которая почти не выходит из дома? Я начала знакомиться через Интернет, но первое, что спрашивают друг у друга знакомящиеся люди – это чем ты занимаешься?

Я стала ненавидеть этот вопрос, и конечно пыталась врать – говорила, что работаю менеджером. Но кто-нибудь обязательно хотел заехать за мной после работы! Если же я говорила, что пока только ищу работу – кто-нибудь обязательно вызывался устроить меня в приличную фирму! Если я говорила о себе правду, то видела, как у мужчины менялось выражение лица, и читала по глазам о том, что он думает: “Вот я дурак! Повёл себя с ней как с порядочной, а она шлюхой оказалась!”

Я старалась объяснить, что хостес – это не проститутка. В мои обязанности входило только сидеть за столом, с пришедшим в клуб гостем, разговаривать с ним, пить, подливать ему спиртное в стакан, подносить зажигалку к сигарете, когда он прикуривал (многие девчонки, смеясь, рассказывали, что они ни как не могли избавиться от этой привычки, и часто приводили своих русских бой-френдов в замешательство таким знаком внимания), танцевать, если пригласит, что случалось крайне редко – большинство японцев очень стеснительные, не считая конечно не которых эксцентричных чудиков.

Я объясняла это всё – мужчины делали вид, что они мне верят, но я чувствовала – не верят. Это очень обидно, потому что даже сейчас, когда мне уже тридцать лет, если пересчитать всех мужчин, с которыми я занималась сексом, то и дюжины не наберётся (наверное, это раз в десять меньше, чем у любой другой современной женщины!), а ко мне приклеивали насмешливо-презрительный ярлык – гейша.

Свидания так же входили в мои обязанности. Не важно, во сколько я встречалась с гостем и что делала с ним, к двадцати тридцати мы должны были вместе прийти в клуб, тогда уходя, он платил немного больше, чем обычно, а я получала три тысячи йен, вместо тысячи, если гость просто приходил в клуб и просил, чтобы за его стол посадили именно меня. Если гостю было всё равно, кто с ним сидит, меня могли посадить за его столик на полчаса и никаких дополнительных денег за это не платили, но если мужчина пришёл специально ко мне, то приходилось сидеть с ним до тех пор, пока он не уйдёт или до тех пор, пока ко мне не придёт ещё один гость, тогда приходилось сидеть с ними по очереди – полчаса с одним, полчаса с другим. Иногда приходило сразу полдюжины поклонников одновременно (как, сговорившись!) сидели, посматривая друг на друга, как бы равнодушно, но на самом деле цепко – пытались определить, кто чего стоит, и в каких я с каждым из них отношениях... Я очень веселилась в такие дни!

Говорили в основном о какой-нибудь ерунде – напивались, флиртовали и шутили. Иногда, не шутя, выясняли отношения. Не сложно найти тему для беседы, если сидишь за столиком с мужчиной всего полчаса, а если он приходит к открытию клуба в 20.00, а уходит, когда клуб закрывается в три часа ночи? А были и такие сумасшедшие!

На свиданиях обычно мужчины показывали местные достопримечательности – Диснейленд там или императорский дворец, или приглашали в ресторан, или в магазин... Иногда в ювелирный приводили и говорили – выбирай, что хочешь! И почти никогда не требовали секса, хотя понятно, что надеялись, но не говорили об этом прямо. Если через какое-то время мужчина понимал, что ты не собираешься с ним спать, претензий не предъявлял и подарков назад не требовал, просто переключался на какую-нибудь другую девочку – вдруг с ней повезёт?

Если у меня за неделю было три свидания, я получала премию – 5000 йен, четыре свидания – 10000, пять – 15000, шесть – 20000 и семь – 25000 йен. Благодаря старой сволочи, который в Японии был “Немцем” (почти всем постоянным гостям придумывались прозвища), у меня было свидание каждый день, но и без него тоже, правда, только во время первых поездок...

Ещё можно было подзаработать на спиртных напитках и фруктах – тысяча йен за бутылку, чего-нибудь не дешёвого или столько же за вазу с фруктами, если удавалось гостя на

это раскрутить (как правило – удавалось). Почти все девчонки предпочитали фрукты – здоровые берегли, хотя любительниц выпить, тоже хватало. Мне это всегда казалось очень забавным – получать деньги за то, что ешь и пьёшь!

Ещё, раз в месяц самым популярным девушкам клуба выдавались премии – это очень подстёгивало самолюбие, и многие стремились к популярности не столько ради денег, сколько ради того, чтобы утереть нос конкуренткам и почувствовать себя самой-самой. Мне это удавалось не раз – во время второй поездки, я была самой популярной девушкой клуба в течение всех шести месяцев (столько обычно длится одна поездка).

А зарплата у русских гейш всего 80000 йен в месяц (это что-то около семисот долларов) плюс одна тысяча в день на питание, но благодаря премиям, чаевым (многие гости давали на чай, при чём если уж давали то, как правило, не меньше 10000 йен) и подаркам (один раз из поездки я вернулась домой сразу с тремя норковыми шубами) удавалось заработать намного больше.

Конечно, почти все девчонки рано или поздно заводили себе японского любовника – кто-то из расчёта, чтобы продолжать получать подарки, но большинство влюблялось в своих не молодых, не слишком привлекательных, низкорослых и, как правило, женатых любовников, при чём гораздо сильнее, чем те в них. Из-за них и возвращались в Японию снова и снова, хотя никто никого никогда не ждал. Уже через день после прощальной вечеринки, освободившийся гость приходил в клуб, и начинал ухаживать за новенькой девушкой...

5

Я вижу его из далека – он сидит, забравшись с ногами на скамейку. В руках у него букет роз – ещё не раскрывшиеся красные бутоны. Несколько лет назад я загадала, что выйду замуж за первого мужчину, который догадается подарить мне розы не бордового цвета – он первый... Я подхожу к нему, улыбаясь, а он встаёт и молча протягивает мне цветы – я беру их из его рук.

– Какие красивые! Спасибо. Но ведь ты же знаешь, что я не смогу их забрать?

– Ты можешь сказать, что купила цветы себе сама...

– Это покажется подозрительным... А кстати, по какому поводу такой подарок?

– Разве нужен повод, чтобы подарить розы любимой девушке?

– Так, минуточку! Ты ничего вчера ночью не натворил? – спрашиваю я, нахмурившись и изображая подозрение, – Всем известно, что мужчины дарят женщинам подарки без повода только тогда, когда у них совесть не чиста!

– Ты права – совесть у меня не совсем чиста. Я соврал тебе сегодня утром, – отвечает он, изображая раскаивающегося грешника, – я не пошёл вчера в клуб с друзьями... – тут он делает драматическую паузу, а я на всякий случай начинаю нервничать, – Вместо этого, я всю ночь вылизывал...

– Что?! – кричу я, почти с не притворным возмущением. Он не выдерживает, и смеётся над двусмысленностью, которую я придала его словам своим вопросом.

– Вылизывал квартиру, которую снял накануне, потому что надеялся, пригласить тебя туда сегодня, но боюсь, она всё равно выглядит довольно убого... – говорит он, ещё улыбаясь, но уже серьёзно.

Я задумываюсь, что мне сделать вначале – поцеловать его, а потом сказать, что мне не терпится побывать в его новой квартире, какой бы она не была, или сначала сказать, что мне не терпится побывать в его новой квартире, а потом поцеловать?

Я выбираю второй вариант, потому что знаю, что после того, как я его поцелую, в течение нескольких минут мне не захочется ни о чём говорить, только стоять, прижавшись к нему, вдыхая запах его кожи, и думая о том, что всё-таки есть на свете счастье, и как это глупо и странно, что оно зависит от какого-то мальчишки...

– Это немного далековато от сюда, – говорит он, когда я наконец-то отрываюсь от него, – минут сорок на автобусе, но на такси, я думаю, быстрее доедем...

– Постой, поедем на автобусе – я не хочу, чтобы ты из-за меня разорился!

– А я не хочу, чтобы ты считала мои деньги и жалела меня, – отвечает он с внезапно похолодевшим лицом.

Гордец, чёрт побери! Я извиняюсь, он забирает у меня пакет и мы, держась за руки, идём к стоянке такси.

– Просто в автобусе мы могли бы ехать стоя и прижимаясь, друг к другу... – говорю я, чтобы разрядить напряжение, возникшее после моей бестактности. Он бросает на меня взгляд – искоса через плечо и усмехается. Красавец!

Мы садимся в такси, он говорит водителю адрес и обнимает меня одной рукой, я целую его в щёку, он улыбается. Почти всю дорогу мы едем молча – только иногда целуемся, но скорее нежно, чем страстно – стесняемся водителя.

“Интересно, волнуется ли мой мальчик?” – думаю я и глажу его спину под футболкой, украдкой наблюдая за ним. Он чувствует, что я смотрю на него, но делает вид, что не замечает этого, глядит в окно – спокойный и хладнокровный, иногда очень обаятельно морщит лоб, как бы о чём-то задумавшись, а на самом деле потому, что знает, что ему это очень идёт...

Он ещё ни разу не занимался сексом. Я не поверила, когда он мне сказал об этом – красивый двадцати летний парень и девственник, разве такое возможно в наше время? Но он не шутил, я это почувствовала. Он признался мне в этом через неделю, после нашей первой встречи – спокойно и просто, не стесняясь. Объяснил это тем, что все немки – крокодилы и он их не хочет.

– Обычно, парням свойственно преувеличивать свой сексуальный опыт... Наверное, ты очень уверен в себе, – сказала я ему тогда.

– Да – это мой единственный недостаток, – ответил он, улыбнувшись, и добавил, – Просто я не хочу тебе врать.

Мы выходим из такси – вокруг восточный Берлин, с его панельными многоэтажками, которые можно увидеть в любом городе, уже не существующего союза. Не могу сказать, что меня радует это зрелище – скорее наоборот, расстраивает, но я стараюсь это скрыть.

– Как на исторической родине, правда? – говорит он, усмехаясь.

– Да, я сейчас расплачусь от ностальгии! – и чтобы поскорее сменить тему, спрашиваю, – Надеюсь, ты догадался купить бутылку шампанского?

Он останавливается:

– Ты же говорила мне, что терпеть не можешь шампанское, потому что в Японии тебе постоянно приходилось его пить.

– Ах, да – точно...

– Я купил мартини.

– Умничка!

За мартини, почему-то ничего не платили – только за шампанское, от которого у меня пучило живот, и появлялась отрыжка – тысячу йен.

Мы заходим в подъезд, он открывает дверь квартиры на первом этаже и пропускает меня вперёд. Заходя в прихожую, я чувствую, что начинаю нервничать, и злюсь на себя – какого чёрта, ведь это у него будет в первый раз, а не у меня!

Однокомнатная квартирка – не уютная, но я на уют и не рассчитывала. Мы оба сразу засуетились и, избегая, глядеть друг на друга, занялись делом – каждый своим: я ищу, во что бы поставить цветы, он открывает бутылку мартини.

Ох уж это вечное смущение двух людей, которые пришли в отель или в квартиру, чтобы впервые заняться друг с другом сексом! Конечно лучше, когда это происходит неожиданно и спонтанно, но обстоятельства реальной жизни не часто предоставляют такую возможность.

Если бы сейчас была ночь, и мы оба были бы пьяны, было б проще – мы вцепились бы друг в друга, изображая или на самом деле испытывая бешеную страсть, повалились бы на пол или в кровать, срывая одежды...

Но сейчас день, мы оба трезвы и нам обоим неловко.

Когда цветы водружены в дешёвую вазочку, а мартини налито в бокалы, я говорю тост:
– За твою первую квартиру!

А про себя думаю: "И за твою первую женщину..." Наши глаза встречаются, и я понимаю, что он подумал о том же.

Когда я держу бокал в руках, мои руки дрожат – его нет. Мы оба это замечаем, и я улавливаю в его глазах что-то... Может быть чувство превосходства? Мои руки! Я научилась, держать лицо, и владеть голосом, но мои руки всегда выдают меня...

Мы делаем всего один глоток – я ощущаю сладкий вкус мартини, потом он ставит свой бокал на стол, берёт мой из моих дрожащих рук, отпивает из него, улыбаясь: "Я хочу знать твои мысли..." И притягивает меня к себе...

С того момента, как он признался, что ещё девственник, я всё время играла роль опытной женщины, соблазняющей мальчика, но сейчас что-то изменилось – мы, будто поменялись ролями. Я растерялась – стою, как дура и смотрю на его плечи под чёрной футболкой. Резким движением, он снимает её с себя, я вижу, какое красивое у него тело – мышцы накаченные, но ещё слишком худенький... Я смотрю в его тёмно-карие глаза, и он целует меня в губы, сразу же, как только наши глаза встречаются.

6

Моим первым любовником был японец. Чистенький, скромненький, в сшитом на заказ костюмчике – сейчас он не смог бы произвести на меня впечатление, но тогда... Что видела, восемнадцати летняя девчонка из провинциального городка? Прыщавых одноклассников, отчима в спортивном трико, бритоголовых братков, от которых приходилось, уносить ноги с дискотеки...

Он ухаживал за мной в течение трёх месяцев – возил в Диснейленд и в Киото, водил в очень дорогие рестораны. Я целовалась с ним, но и только. А потом в Японию приехала его бывшая любовница, и я наконец-то дала ему то, чего он хотел, лишь бы он не пошёл за этим к ней. Дело было в отеле "Твенти ван" (позднее я побывала там со всеми своими японскими любовниками, и во всех лав – отелях на Кинсичё тоже, хотя в четыре утра туда ни попасть).

Лав – отель – гениальное изобретение японцев! Удивительно, что оно ещё не распространилось по всему миру! Это не большие отели с номерами без окон, в которых можно в любое время, анонимно снять комнату с большой кроватью, ванной, телевизором с бесплатным порно каналом и прочими удобствами.

А в тот первый раз, я лежала на маленькой кровати в обычном отеле под своим, истекающим потом любовником, зажмутив глаза (потому что боялась, что капли его пота туда попадут), и ничего не чувствовала, кроме удивления – в кино это всё выглядит как-то по-другому. Когда он слез с меня, то в первую очередь посмотрел на полотенце, которое предусмотрительно подложил мне под зад – крови не было. Он ничего не сказал мне об этом – ни тогда, ни потом, я тоже промолчала. Просто не знала, что сказать – до встречи с ним, я даже ни разу ни с кем не целовалась, но крови почему-то не было.

Позднее я рассказала об этом матери, и она призналась мне, что у неё была та же проблема. Вот почему мой папаша спустя тринадцать лет после их развода просил мать честно сказать ему "теперь, когда это уже не имеет значения", был он у неё первым или нет? Я, случайно подслушав их разговор, подумала тогда: "Он, что – совсем дурак, не знает, как определить девственница ли девушка, с которой переспал? Даже я это знаю!" А оказывается, вот как

бывает... Лет триста назад в какой-нибудь мусульманской стране с нас бы за такое недоразумение, после первой брачной ночи кожу живём содрали! (Я читала об этом в какой-то книжке.)

Как всё-таки не справедливо устроен этот мир по отношению к женщине! И клитор у нас совсем не там, куда мужики всовывают свой член, поэтому после секса, в большинстве случаев, испытываешь только чувство досады за напрасно потраченное время...

В восемнадцать лет я была такой наивной, что страшно вспомнить! Думала, что раз я переспала с этим мужчиной, то теперь он и будет моим единственным на всю жизнь. А у него оказался живот, как у беременной женщины, который скрывали, его сшитые на заказ костюмчики! Позднее, я множество раз замечала, что внешность редко бывает обманчивой и внешнее уродство часто отражает уродство внутреннее.

Любовник заразил меня трихомонозом, и обвинил в том, что это не он, а я его заразила. “Думаешь, я верю, что ты спала только со мной? Что все эти подарки тебе дарили просто так?” Я вспомнила, какими глазами он смотрел на новые серёжки и колечки, которые у меня появлялись, и поняла, что в этот момент он думал о том, что я переспала с кем-то за этот подарок, но ничего не говорил, и продолжал встречаться со мной, как ни в чём не бывало...

Ему тоже пришлось, делать мне подарки.

“Разве это справедливо, что мужики, которым ты ничего не позволяешь, одевают и обувают тебя? А этот хрен, который имеет тебя, когда у него есть на это свободное время – ещё ни разу ничего тебе не подарил, хотя, он гораздо богаче большинства твоих гостей? – спросила меня одна девчонка, с которой я работала в клубе, – Не будь душой – раскручивай его! Если бы он был порядочным мужиком, а не хитрожопым гадом, то сам бы давно предложил тебе шопинг, или он не знает, как мало нам платят?”

С тех пор, я каждую неделю водила его в магазин – в восторге от этого он не был, но и отказываться оплачивать мои покупки, тоже не решался.

Только один раз, во время предпоследней поездки у меня был любовник, которого я жалела и не раскручивала – он бросил меня через полтора месяца. Это стало хорошим уроком для меня. Во время последней в своей жизни саёнара-пати (прощальной вечеринки), когда мне дали микрофон, чтобы я сказала последнее спасибо гостям – я его сказала, а потом добавила по-русски, обращаясь к девчонкам: “Возьмите с них всё, что сможете, и никогда никого не жалейте”.

7

– Что ты нашла во мне? Почему я тебе понравился?

– Ты молод, красив и не испорчен.

– Короче, во мне нет ничего особенного!

– Может быть для кого-то, но не для меня...

Солнечный свет проникает сквозь задвинутые шторы. Мы сидим в кресле и целуемся, никуда не торопясь.

– Я хочу сам раздеть тебя.

– Хорошо...

Я давно заметила в нём стремление доминировать, и мне это нравится, хотя мне и самой это свойственно, но почему-то я никогда не влюблялась в мужчин, которые позволяли управлять собой...

Я улыбаюсь, а он в это время с серьёзным видом стягивает с меня футболку, снимает бюстгальтер – на несколько секунд останавливается, разглядывая мои груди, берёт их в руки, я слегка приподнимаюсь, чтобы он смог, схватить мой сосок губами. Когда он слегка кусает его, я вдруг чувствую такое сильное возбуждение, что мне становится больно. Я пытаюсь расстегнуть свои джинсы, но он замечает это и останавливает меня – расстегивает их сам, и начинает,

не спеша, стягивать с бёдер, но когда я остаюсь в одних трусиках, замирает, не зная на что решиться дальше...

Я даю ему поцеловать ту грудь, которая ещё осталась не поцелованной, а потом не выдерживаю, толкаю его вглубь кресла, встаю на колени, и расстёгиваю ремень на его брюках. Он сидит, держась руками за подлокотники кресла, и не останавливает меня, тогда я снимаю с себя, оставшееся бельё, и залезаю на него – я успеваю сделать всего несколько движений, и кончаю, вскрикнув и очень удивившись. Открыв глаза, я вижу, что он смотрит на меня и улыбается, я улыбаюсь ему в ответ.

– Странно, я кончил, но удовлетворения не испытываю – всё равно хочу тебя, – он продолжает удерживать меня за бёдра. – Давай останемся так?

– Давай... – я обнимаю его, и закрываю глаза.

Через несколько минут я чувствую, как он снова становится твёрдым внутри меня, тогда я несколько раз нежно кусаю его за шею, а он тянется губами к моим губам...

– Какой же ты всё-таки красивый!

Он лежит на спине и курит, а я, оперев голову на согнутую в локте руку, гляжу сверху на его лицо.

– Не говори глупостей – я совсем не красавец.

– Я обожаю твой рот – особенно нижнюю губу, и твой нос. Он такой, какой должен быть у мужчины – не маленький, но и не длинный.

– Он с горбинкой.

– Это почти не заметно... И ещё мне нравится, что ты такой тёмненький!

– Любишь тёмненьких?

– Да. Но не арабов – они женщин за людей не считают, и не азиатов – они не сексуальные какие-то...

– Ты же спала с японцами?

– Ну и что – это не значит, что они мне нравились.

– Ты спала с ними из расчёта?

– Нет – я влюблялась, но и расчёт тоже был. Не хочу о них вспоминать! Тем более, сейчас...

Мы уже успели выпить несколько рюмок martinи, и ещё раз заняться любовью – на этот раз в классической позе...

Поцеловав его в щёку, я смотрю на часы.

– Мне пора.

– Подожди, ещё только три...

– Старая сволочь начнёт психовать, я и так провожу с ним слишком мало времени.

– Нам нужно поговорить.

– Уже? – я смеюсь. – Мы завтра снова встретимся – ведь встретимся? Тогда и поговорим.

– Тогда мы снова бросимся в кровать, прозанимаемся любовью часа полтора, а потом ты опять убежишь к своему старикашке! Меня не устраивают такие отношения.

– Странно, я думала мужчин, только такие отношения и устраивают...

Мы сидим голые напротив друг друга, прикрываясь одной простынёй, он молча смотрит на меня, и я во второй раз за сегодняшний день чувствую, что опять сказала что-то, чего говорить не следовало.

– Не нужно сравнивать меня с теми мужчинами, которых ты знала до меня. Тем более с теми, с которыми ты познакомилась в Японии.

– Русские были не лучше!

– Неужели, глядя на меня, ты не можешь видеть только меня, а не всех этих мужчин?

Я вдруг с ужасом понимаю, что не могу, и теряюсь, не зная, что сказать, но к счастью, он и не ждёт ответа – вопрос риторический.

– Вчера я впервые спал в чужой квартире, один, зная, что за стеной нет родителей – мне было очень одиноко...

– Ты мог позвонить мне.

– Мне ни хотелось ни кому звонить – я чувствовал, что это не поможет. И я знаю, что сегодня ночью мне снова будет так же одиноко.

– Это потому что, ты впервые живёшь не с родителями – все начинающие жить самостоятельно, поначалу так себя чувствуют. Потом привыкнешь.

– Но я не хочу, привыкать к одиночеству. Я снял эту квартиру, чтобы жить здесь с тобой.

– Я думала, ты снял эту квартиру, чтобы было где, заниматься сексом со мной.

– Вот как? Значит, ты думаешь, что всё, что мне нужно от тебя – это только время от времени заниматься сексом? Ты будешь приезжать ко мне несколько раз в неделю на часок – другой, а потом уезжать, оставляя одного. Одного спать, одного гулять, одного ходить в клубы и в кино, рано или поздно мне это надоест и у меня появится другая... Это то, чего ты хочешь?

– Мы не объяснялись друг другу в любви.

– По-моему, есть вещи, которые очевидны без слов, но если тебе необходимы такие условности то, пожалуйста – я люблю тебя, – он говорит это спокойно и просто, без надрыва.

– Откуда ты можешь это знать? Я много раз говорила эти слова разным мужчинам, и в большинстве случаев мне казалось, что я говорю правду, а сейчас мне и вспоминать об этих людях не хочется, даже не интересно – живы они до сих пор или нет.

– Я не верю сейчас, что ты когда-нибудь станешь чужой мне...

– Это одна из иллюзий влюблённости – абсолютно чужой человек начинает казаться самым родным и близким, но это пройдёт – чувства не вечны, я поняла это, после третьей любви в кавычках.

– Вот видишь, ты говоришь – в кавычках, значит, понимаешь, что твои чувства не были настоящими.

– А как узнать, когда они настоящие?

– Не знаю... Может быть со временем?

– Ага! Все люди так и живут – от одного романа к другому. Каждый раз, надеясь, что вот наконец-то они встретили свою половинку, но с каждым днём, с каждым годом чувства ослабевают то, что раньше умиляло, начинает раздражать... Мы так устроены – наши жизни слишком длинные для одной любви.

– Кажется, я уже слышал эту цитату...

Это замечание разозлило меня:

– Я не могу себе этого позволить! – говорю я резко.

– Не можешь позволить себе любить и надеяться?

Я чувствую, что дрожу. Мне хочется одеться, но вместо этого я прошу его, дать мне тёплое одеяло. Он встаёт с кровати, чтобы достать его из шкафа, а я специально смотрю на него – голые мужчины так смешны и нелепы, но не он – он прекрасен.

Меня охватывает уныние. Я ложусь на бок, и подтягиваю колени к груди. Он накрывает меня одеялом и ложится рядом, обняв. Я ощущаю почти физически, как он делится со мной своей силой и теплотой, передавая их через свою кожу... “Наверное, я энергетический вампир...” – думаю я, улыбаясь.

– Чего ты боишься? – спрашивает он.

– Чего ты хочешь? – спрашиваю я.

– Я уже сказал тебе – я хочу быть с тобой.

– Ты хочешь жениться на мне? – Я поднимаю голову и смотрю ему в глаза.

Он растерялся – не столько из-за моего вопроса, сколько из-за яда, которым был пропитан мой голос, когда я его задавала.

Я встаю и начинаю одеваться, он сидит на кровати.

– Подожди...

– Ты готов, взять на содержание тридцатилетнюю женщину, у которой нет никакой профессии? Твоей зарплаты хватит, чтобы прокормить нас обоих? А если я залечу, что тогда – уговоришь меня сделать аборт или уговоришь родить? А если я рожу, сможешь нас всех прокормить? А если родятся двойняшки или тройняшки, что тогда?

– Кстати, мы не предохранялись, – замечает он, натягивая брюки. Его красивое лицо становится холодным и злым.

– Не волнуйся – у меня месячные, только два дня назад закончились. Теоретически – я не могу залететь.

Он усмехается. Я, уже одетая, сажусь в кресло напротив него.

– Я понимаю тебя, – говорит он, – оставить особняк и мужа миллионера, переехать сюда в эту жалкую квартиру... Я слишком размечтался!

– Дело не в этом... – выражение его лица пугает меня, поэтому я стараюсь говорить ласково и примирительно, – Посмотри на меня – неужели ты не видишь? Я старше тебя на десять лет, но я инфантильна и избалована. Что ты будешь делать со мной? Я даже готовить не умею! А ещё, я боюсь – просто боюсь, что ты разлюбишь меня, что однажды тебе самому надоест эта жалкая квартира и ты захочешь вернуться домой к маме и к папе... А с чем останусь я?

– По-твоему, я тоже инфантильный?

– Я не знаю...

– Ты не уверена во мне?

– Да. Я всё-таки слишком не долго с тобой знакома... И я не уверена, что могу судить о тебе объективно, потому что я кажется, тоже в тебя влюблена...

– Кажется? – спрашивает он, чуть удивлённый.

– Ты ещё слишком молод – ты и сам себя ещё не знаешь! Тебе рано брать на себя такую ответственность. Ты же это понимаешь?

– Я знаю, что в наше время не модно жениться, когда тебе двадцать... Но буду ли я любить кого-нибудь так же сильно, как тебя сейчас, когда мне будет тридцать? И если нет, то какой смысл тогда жениться?

– Но будешь ли ты, когда тебе будет тридцать, а мне сорок, всё ещё любить меня так же, как сейчас?

– Но будешь ли ты, когда тебе будет сорок, всё так же жить со своим старикашкой – без секса, без любви, без детей? Жизнь обеспеченная, но пустая – это то, чего ты хочешь?

– Я надеюсь, что может быть, он скоро умрёт – через год, через два, через три...

– Он чем-то болен?

– Нет, но ведь он уже стар.

– Я видел вас неделю назад.

– Что?!

– Я следил за тобой – утром, во время прогулки. Мне хотелось посмотреть на него, попытаться понять, что он за человек – такой ли, как ты его описываешь или нет. А ещё, я надеялся что, наблюдая за вами, смогу почувствовать – правда ли, что ты не спишь с ним...

– Ну и как, почувствовал?

– Да – ты не солгала мне. И его ты описала довольно точно – он ничтожество. Но он из тех, кто не отдаёт отчёта в собственной ничтожности – он не думает об этом, не рефлексировать и очень цепко держится за жизнь. – Костя закуривает сигарету и продолжает. – Вместе со своей собакой он выглядел таким энергичным и довольным! А ты... Я был шокирован – ты была так

не похожа на себя. Ты выглядела так, будто тебе всё равно кто ты, где и зачем. Ты вся была погружена в свои мысли, лицо отсутствующее, а когда он вынуждал тебя, что-то отвечать ему, оно становилось раздосадованным и злым. А ему было всё равно – он будто и не замечал этого! Ты счастлива?

– Зачем спрашиваешь? Ответ очевиден. Но я вообще в счастье не очень то верю...

– Ты планируешь убить его?

– Нет, что ты! Я не настолько умна, чтобы убить его без последствий для себя. К тому же, я хоть и не очень верующая, но всё же боюсь попасть в ад.

– Замечательно! – говорит он скептически. – Почему ты вообще вышла за него?

– Я уже рассказывала тебе – у меня не было причин для отказа. С Японией пришло время завязать, а других мужчин, жаждущих на мне жениться, на горизонте не было.

– Ты хочешь родить ребёнка?

– Одно время хотела, так сильно, что даже рекламу подгузников по телевизору смотреть не могла – у меня истерика начиналась... Но мужики от меня в это время бегали, как чёрт от ладана – будто чуяли что-то, сукины сыны! Поэтому залететь ни от кого не довелось. А потом это прошло... И сейчас я уже не уверена, что мне нужен ребёнок. Зачем? Быть свободной, заботиться только о себе намного легче, легче и лучше.

– Всё-таки не случайно твои коллеги по работе тебя эгоисткой обзывали...

– Все люди эгоисты!

– Не все. Ты будешь удивлена, но большинство людей живут не только для самих себя и в этом их счастье. Они верят и в дружбу, и в любовь, и в то, что нужно работать даже тогда, когда у тебя есть деньги, потому что работают они не только ради денег.

– Ради того, чтобы помочь ближнему? – спрашиваю я, ехидничая.

– Ради того, чтобы реализовать себя, чтобы чувствовать себя личностью – человеком, который не зря живёт на свете.

– Женщины веками жили, не работая, и прекрасно себя чувствовали!

– Ты не можешь знать, как эти женщины себя чувствовали.

– Знаю, потому что я, не работающая женщина и, тем не менее, чувствую себя личностью!

– Если ты чувствуешь себя личностью, то почему не веришь, что кто-то может любить тебя всю жизнь?

– Ни кто ни кого не любит всю жизнь.

– Не обобщай. Для тебя любовь – это те интрижки, которые пресыщенные и скучающие японские бизнесмены заводили с молоденькими дурочками! – он останавливается, чтобы взять себя в руки – мы оба на взводе. – Но я не об этом хочу поговорить, – продолжает он. – Послушай, неужели ты не понимаешь, что ты просто заложница собственной лени? Неужели ты даже в детстве не мечтала о том, кем станешь, когда вырастешь?

– Кем я мечтала стать, когда вырасту? Королевой красоты... Мисс Вселенной.

– Что?!

– Я мечтала победить на конкурсе “Мисс Вселенная”. Теперь уже не смогу – участницы должны быть не старше двадцати шести лет.

– И не замужние. Да, запущенный случай... – говорит он, стараясь скрыть улыбку. – А ты участвовала когда-нибудь в этих конкурсах?

– Меня не брали – отсеивали ещё на предварительном этапе, хотя я была красивее многих из тех девушек, которых выбирали. Но я боялась сцены – слишком волновалась, колени тряслись и губы тоже. Знаешь, какой жалкой себя чувствуешь, когда пытаешься улыбнуться трясутися губами?

Мы так ни о чём и не договорились. Он заказал мне такси.

Перед тем, как выйти вместе со мной из квартиры, он останавливается в дверях, смотрит мне в глаза и спрашивает:

– Мы ведь завтра увидимся?

– Конечно. Или послезавтра, – отвечаю я, но он продолжает глядеть на меня. “Пытается понять, не вру ли я, действительно ли собираюсь встретиться с ним вновь, ” – понимаю я, и моё сердце сжимается от боли, но боль эта сладкая – он боится потерять тебя, говорит она... Я делаю шаг ему на встречу и обнимаю его – быстро и крепко, и мы стоим так, обнявшись, будто правда прощаемся навсегда...

Всю дорогу до Хагенплатц моё сердце продолжает болеть – но уже не сладко, а тревожно. Я злюсь на него: “Какого чёрта ты болишь? Завтра мы снова увидимся, и всё будет хорошо!” Но сердце не слушается разума и продолжает болеть.

Раздаётся телефонный звонок – я с раздражением думаю, что это старая сволочь хочет знать, когда я вернусь, но это Костя.

– Ты ещё в такси?

– Да.

– Я очень люблю тебя.

– Я тебя тоже.

8

Старая сволочь стоит на крылечке дома (наверное, собачонку выводил по нужде), увидев, что я выхожу из такси, радостно улыбается. Приходится, ещё раз позволить ему, поцеловать меня в обе щеки.

– Я голодная, как зверь. Поедем куда-нибудь, поужинаем?

– А может, останемся дома, и ты что-нибудь приготовишь?

– Вот ещё! Сегодня суббота и я хочу в ресторан.

На самом деле, мне хочется побыть одной, но мой рабочий день должен закончиться только вечером, когда мой супруг отправится спать. Я уже давно заметила, что проще всего остаться наедине со своими мыслями в большой компании, а сложнее всего это сделать в компании, состоящей только из двоих...

– А где твой пакет со спортивным костюмом и кроссовками? – спрашивает старая сволочь.

Чёрт! Пакет!

– Оставила в спортклубе. Мне дали шкафчик, который теперь всегда будет моим, и мне не придётся таскаться с вещами туда сюда, – отвечаю я хладнокровно, даже глазом не моргнув – уж что-что, а выкручиваться я всегда умела! Ну, надо же было, забыть пакет у Кости!

– Пойдём в тот ресторан, где твои любимые немцы поют песни, как дураки какие-то? – продолжаю я разговор, как ни в чём не бывало. – Хотя нет – там не романтическая атмосфера... Пойдём лучше в тот красивый, итальянский? Ах, мне всё равно... Но только не в какую-нибудь дешёвую забегаловку! – говорю я строгим голосом (старая сволочь всякий раз норовит привести меня в заведение подешевле) и поднимаюсь наверх.

Закрыв изнутри дверь своей комнаты, бросаюсь на кровать, чувствуя себя совершенно опустошённой... На меня наваливается апатия – не хочется двигаться, не хочется говорить, не хочется продолжать играть, ставшую привычной роль.

Через пятнадцать минут старая сволочь стучит в дверь:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.